

БЛИЗКОЕ МИЛЛИОНАМ

Всякий раз, проходя мимо афишной тумбы и читая по родному знакомому фамилию — Соловьев-Седой, я невольно останавливаюсь и стою, наверное, дольше обычного, потому что каждая строчка в творческой биографии этого замечательного человека бесконечно дорога мне. Но сколь бы солидным ни был возраст нашей дружбы, я всегда живо вспоминаю, как будто это было вчера, тридцатые годы — годы необычайного песенного раздолья. В городе и деревне, в клубах и на тащиплощадках плескались новые мелодии, которые стали сейчас классическими, а на крыльях этих мелодий летели к сердцу народа стихи наших «хороших и разных» поэтов.

Это была весна советской песни. В ту звонкую песенную пору пришло к мне стать поэтом-песенником. Дунаевский попросил меня написать стихи к его «Маршу физкультурников», и, явившись с черновиком, я застал у него Утесова.

— Пожалуй, ты единственный, — говорил Утесов, — кто может сочинить такую мелодию, что люди запоют ее прямо по дороге с концерта...

— Нет, почему же? — сверкая смеющимися глазами, возразил хозяин. — На ленинградском музыкальном небе восходит новая звезда — молодой Соловьев-Седой. Не хочу быть пророком, но уверен: ему суждено большое плавание...

— Верю, — быстро согласился Утесов. — Я только что от него. Он сыграл мне две чудесные вещи: «Казачью кавалерийскую» и «Служили два друга»...

Когда я услышал эти «чудесные вещи», был сразу пленен их удивительной мелодичностью, глубиной и образностью. Позже, когда Василий Павлович Соловьев-Седой стал уже знаменитым композитором, я не переставал поражаться, как это может он вот так, сразу, влить в твою душу мелодию, которая будет жить вместе с тобой, радуя и тревожа, успокаивая и волнуя. Тут простое объяснение: большой талант и великий труд, а бы сказал, — зверская работа всю жизнь.

Раньше я наизуно представлял себе: поэт напишет стихи, композитор положит их на музыку — и дело в шляпе. Но когда окупнулся в песнетворчество, оказалось все не так просто. Оказалось, мои метафоры и образы, которые я считал удачными, в песне совсем «не работают». Василий Павлович в ту пору мучительно искал свою «песенную» дорогу. Эти поиски проходили на моих глазах. С ним у меня написаны «Песня о папанинцах», «Что мы, девушки, скажем», «Белорусская партизанская», «Едем, братцы, призваться». И тогда я понял, что песня — это неразрывное единство мелодии и стиха, и только та живет в народе, которая создавалась на одном дыхании.

За несколько лет до войны я встретил Василия Павловича, и он сказал мне, что хочет сделать что-нибудь «эдакое — кавалерийское, казачье». Услышав взволнованную, проникновенную музыку, я с увлечением начал работать.

Стихи (напомню первые строчки: «Мой конь буланый, скачи скорей полевой, казачка молодая ждет...») я передал Соловьеву-Седому, и вскоре песня зазвучала в исполне-

нии Леонида Утесова. Это была моя первая «подтекстовка», хотя слово «подтекстовка» мне сильно не нравится, но на музыку Соловьева-Седого я всегда пишу с наслаждением. В самом деле, если композитор пишет музыку на стихи, почему поэт не должен писать стихи на музыку?

МУЗЫКА, песни сопровождали Соловьева-Седого с самого детства. Вероятно, поэтому так рано осознал он свое дарование. Сын крестьянина Витебской губернии и крестьянки из Псковской губернии, будущий композитор с молоком матери впитал в себя народные песни. Отец играл на гармонии, мать голосисто пела, а сын подыгрывал на балалайке. Вскоре он стал сочинять собственные вариации. Вместе с приятелями, игравшими на гитаре и мандолине, он давал концерты на лестницах. Его музыкальные представления пользовались шумным успехом. Одним из участников этой самодеятельности был будущий народный артист СССР А. Борисов. В дальнейшем Василий Соловьев участвовал в оформлении «живой газеты» во многих клубах Ленинграда. Был он большим «слушачом» и, не зная нот, играл по слуху. За способность удачно импровизировать его пригласили на ленинградское радио сопровождать утреннюю гимнастику. А вскоре он поступил в музыкальный техникум. При поступлении произошел небольшой конфуз: юноша, пришедший экзаменоваться в класс композиции, не смог предьявить ни одной строчки нот своего сочинения. Выручил председатель комиссии профессор П. Б. Рязанов. Он предложил Соловьеву симпровизировать за роялем марш. Марш понравился, и Соловьев стал студентом Центрального музыкального техникума, а через два года был переведен в Ленинградскую консерваторию.

Песни принесли молодому композитору первый и всемирный успех. В 1934 году вышли его «Лирические песни». На обложке стояло: «Седой», — так звал его в детстве отец за светлый цвет волос.

Во время войны Соловьев-Седой много выступал перед солдатами в землянках и блиндажах, объездил весь Урал и был награжден орденом Красной Звезды. Василий Павлович награжден орденом Ленина, удостоен звания лауреата Ленинской премии. Мне не хочется перечислять все «звания» и титулы Василия Павловича Соловьева-Седого. За 60 лет труда и творчества он заслужил их много.

Вспоминаю 1941 год, первый месяц войны с фашистской Германией. Мы, поэты и композиторы, как и все ленинградцы, ходили на оборонные работы. Однажды нас с Василием Павловичем послали в порт на разгрузку барж. После жаркого трудового дня мы отдыхали на борту разгруженной баржи. Вечер был тихий-тихий. Ничто не напоминало о войне. Волны чуть слышно плескались о прибрежную гальку. Залив был окутан синей дымкой. Невдалеке на рейде стоял корабль. С него доносилась тихая музыка — там кто-то играл на баяне. Соловьев-Седой сидел молчаливый и задумчивый. Когда мы отправились домой, Василий Павлович сказал:

— Замечательный вечер. Стоит песни — Видимо, у него уже зародилась мелодия, потому что он тут же сообщил мне «размерчик»: — Товарный вагон... пойдете на перрон... уедем в чужие края... Это, конечно, далеко от темы. Содержание нужно такое: моряки покидают любимый город, прощаются.

На другой день я написал три куплета и отдал их Василию Павловичу: «Споемте, друзья, ведь завтра в поход...»

Через три дня он позвонил: — Песню закончил. Получился широкий повторяющийся припев, а слов для припева нет. Приезжай сочинять.

Приехал в знакомую опустевшую квартиру. Композитор сел за рояль, и полилась взволнованная широкая мелодия.

— Начать надо так: «Прощай, любимый город»... — сказал Соловьев-Седой.

Я «подкинул» вторую строчку: «Уходим в море скоро». Композитор зачеркнул: — Нет, «уходим завтра в море»...

Я согласился, но поспорил немного из-за рифмы: город — скоро — хотя и усеченная, но вполне законная рифма, а город — море — совсем не рифма. Василий Павлович сказал, что рифма в данном случае не имеет существенного значения. Вместе мы сочинили и продолжение: «и ранней порой мелькнет за кормой знакомый платок голубой».

Родилась новая песня — «Вечер на рейде». Позже Василий Павлович уехал из опсаженного Ленинграда с театром имени Кирова. А песня пошла по окопам и блиндажам, по всем фронтам Родины.

В годы войны Соловьев-Седой в содружестве с замечательным поэтом-песенником Алексеем Фатьяновым написал много неуязвимых песен: «Соловьи», «На солнечной поляночке», «Ничего не говорила», «Давно мы дома не были». Недаром генерал Родимцев, командовавший дивизией, которая участвовала в Сталинградской битве, сказал: «Если вас спросят, Василий Павлович, воевали ли вы, скажите, что воевал в гвардейской дивизии, защищавшей Сталинград». И любой рядовой солдат на любом фронте подтвердит бы: Соловьев-Седой был с ним.

Безудержная звонкая и чистая мелодия лилась и в послевоенные годы. Тут и «Если бы парни всей земли» на стихи Евгения Долматовского, и обжигающая «Баллада о солдате» на слова М. Матусовского, «Пора в путь-дорогу» на слова С. Фогельсона, «Марш нахимовцев» и «Едет парень на телеге» на слова Н. Глейзарова. И нет таких слов, чтобы выразить благодарность композитору за облетевшие всю землю «Подмосковные вечера». А как глубоко нужно знать и чувствовать душу солдата, чтобы написать такую песню, как «Солдаты, в путь», на чеканные и задорные стихи М. Дудина.

В последнее время Соловьев-Седой, работая над крупными музыкальными формами (балет, опера), меньше уделял внимания песне. Но вот совсем недавно, апрельским вечером, я зашел к нему домой, Василий Павлович пел новые песни и наигрывал новые мелодии, еще не имеющие слов. Пахнуло молодостью и весной.

Александр ЧУРКИН.
ЛЕНИНГРАД.